

Взгляд из регионов

IR Мы вновь возвращаемся к проекту о стратегиях совладания и размещаем работу Е.С. Балабановой (Нижний Новгород). Предыдущие работы можно посмотреть в нашем журнале¹.

СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ С ЖИЗНЕННЫМИ ТРУДНОСТЯМИ: САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ЗАВИСИМОСТЬ?

Балабанова Евгения Сергеевна

канд. социол. наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета

Email: balhome@unn.ac.ru

Институциональные изменения в социальной и экономической сферах жизни современного российского общества предполагают расширение сферы индивидуальной свободы человека, пропорциональное расширению его сферы ответственности. Либерализация экономической деятельности, наряду с высвобождением социально-инновационных сил общества, также расширяет пространство социальных угроз, связанных с тем, что перестали быть гарантированными такие блага, как доход, занятость, многие ранее бесплатные социальные услуги.

Последнее обстоятельство означает, что осуществление независимых жизненных стратегий сегодня является не только добровольным выбором наиболее мобильных, активных и самостоятельных членов общества, но и требованием, налагаемым экономической реальностью на всех без исключения трудоспособных людей, включая и тех, кто не желает пользоваться предоставленной им свободой, предпочитая ее обмен на гарантированные жизненные блага.

Желание променять Свободу на Благо², пожалуй, особенно ярко проявляется в ситуации кризиса, жизненной трудности, когда нарушается нормальная жизнедеятельность человека, когда с ним происходят события, угрожающие его текущему и будущему благополучию. В таких ситуациях, с одной стороны, у индивида сильны потребность во внешней поддержке, опоре, стремление переложить на кого-то свои проблемы. Именно в таких ситуациях активность людей нередко направлена на поиск чего-то стабильного, прочной опоры в виде религии, традиции, системы социальных гарантий. Поэтому можно говорить о *социально-экономической зависимости* многих людей, оказавшихся в ситуации жизненных трудностей. Она проявляется как реальное состояние (неспособность самостоятельно обеспечить себя средствами к существованию, пребывание под чьей-либо опекой) и как феномен сознания (ожидание внешней помощи в сфере жизнеобеспечения,

¹ См.: Демин А.Н. Возможности использования человеком индивидуальных и социальных ресурсов в ситуации отсутствия работы (2000. Т. 1, № 1); Петрова Л.Е. «Новые бедные» ученые: жизненные стратегии в условиях кризиса (2001. Т. 2, № 1); Радаев В.В. Работающие бедные: велик ли запас прочности? (2000. Т. 1, № 1).

² Об оппозиции Свободы и Блага в либеральной традиции см.: Bluhm, W.T. *Theories of the Political System. Classics of Political Thought and Modern Political Analysis*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1978; Хайек Ф.А. Индивидуализм: истинный и ложный / Ф.А. Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. С. 41; Федотова В.Г. Россия в глобальном и внутреннем мире // Мир России, 2000. № 4. С. 28-29.

осознание себя вправе эту помощь получать и готовность в связи с этим нести определенные издержки, ограничивающие личную свободу).

С другой стороны, подобные ситуации, напротив, актуализируют необходимость мобилизации собственных ресурсов индивида, и сама возможность справиться с жизненными трудностями зависит от того, насколько индивиду это удастся, насколько он оказывается независимым в решении своих проблем (в данном случае под независимостью понимается решение своих проблем преимущественно самостоятельно, за счет собственных ресурсов, которые предлагаются обществу в процессе эквивалентного обмена деятельностью). Это особенно актуально в условиях несовершенной и неэффективной российской системы социальной защиты, а также макроэкономической нестабильности в современной России, когда не только отдельные индивиды, но и целые социальные группы оказываются в ситуации жизненных трудностей, таких, как потеря работы, дохода, вынужденный переезд и т.п.

Как фиксировать социально-экономическую зависимость в массовых социологических опросах? Насколько стратегии совладания, предпринимаемые людьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, являются «самостоятельными» либо «зависимыми»? Чем характеризуются те и другие? Какие респонденты их реализуют? Наконец, какие стратегии – независимые или ориентированные на поиск внешней поддержки – оказываются наиболее результативными? Попытка ответа на эти вопросы предпринята на основе анализа данных, собранных в ходе исследования «Совладающее поведение в посткоммунистической России: экономические и социальные стратегии андекласса», проведенного в 1998–2000 гг. под руководством В.В. Радаева³. Объектами исследования были стратегии совладания с жизненными трудностями трех групп респондентов – вынужденных мигрантов, безработных и «работающих бедных» – работников депрессивных предприятий с длительными задержками заработной платы и низким уровнем оплаты труда.

Качественные выводы в количественных исследованиях?

Эта проблема является одним из самых серьезных ограничений количественных методов в социологических исследованиях. Между тем, в задаче исследовательского проекта «Совладающее поведение в посткоммунистической России» стояло как раз выявление *стратегий* совладания с трудностями, которые являются многомерными, включая в себя 1) непосредственно осуществляемые действия; 2) компонент планирования своей деятельности; 3) представление о должном, т.е. систему общих взглядов на жизнь и ценностных ориентаций.

С одной стороны, эта задача решается с применением «мягких» исследовательских методик, что и было продемонстрировано в ряде публикаций⁴. Действительно, данные интервью позволяют построить «типы стратегий», осуществляемых респондентами. Но

³ При финансовой поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Сбор эмпирических данных включал 2 серии неформализованных интервью и массовый опрос (N=806) среди трех групп респондентов – вынужденных мигрантов, безработных и «работающих бедных». Исследование проводилось в Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Краснодаре.

⁴ См.: Балабанова Е.С. Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями // Экономическая социология, 2000. Т. 1, №. 2 / www.ecsoc.msses.ru; Балабанова Е.С. Типы стратегий совладания с жизненными трудностями / Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Интерцентр, 2001.

при этом неизбежно возникает потребность проверки исследовательских моделей с применением математического аппарата, а также ответа на вопросы «сколько?», «какие стратегии являются наиболее распространенными?», что в принципе недостижимо в традиции «понимающей» социологии.

Поэтому основной методологической сложностью в данном проекте стал поиск адекватных инструментов для выделения стратегий совладания с трудностями через призму зависимости/самостоятельности и сочетание качественных и количественных методов в рамках одного исследования. Это тот случай, когда не существует готовых переменных, на основе которых мы можем делать выводы о «зависимых» или «независимых» стратегиях, а значит, в анализе количественных данных недостаточно было простых и наиболее часто применяемых статистических методов – одномерных частотных распределений и кросстабуляций. Поставленные задачи можно было решить только с помощью методов многомерного анализа данных.

Теоретические подходы к изучению социально-экономической зависимости

Для того, чтобы зафиксировать то или иное явление в эмпирическом исследовании, исследователь должен, прежде всего, уяснить содержательное наполнение категории, с которой он работает. Решить задачу операционализации феномена социально-экономической зависимости нам помог анализ проблематики зависимости и самостоятельности в различных интеллектуальных традициях. Выделим наиболее принципиальные положения, которые впоследствии будут трансформированы в систему индикаторов социально-экономической зависимости в эмпирическом исследовании.

Зависимость как состояние:

- получение субъектом X жизненно необходимых для него благ от субъекта Y, который является монопольным обладателем этих ресурсов⁵;
- асимметричный характер обмена ресурсами, то есть субъект X не просто получает необходимые ему ресурсы из безальтернативного источника, но и является нетто-реципиентом, не способным адекватно ответить на благодеяния Y⁶;

Зависимость как установка:

- готовность отказаться от Свободы во имя Блага, т.е. преобладание ценностей стабильности, защищенности над ценностями независимости и достижений⁷;
- диффузия ответственности за решение своих проблем, т.е. ожидание помощи со стороны, неготовность проявлять активность в решении собственных проблем⁸;

⁵ Schmidt, D. and R. Googin. *Social Welfare and Individual Responsibility. For and against*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 116-118; Poggi, G. *Forms of Power*. Cambridge: Polity Press, 2001. P. 131-132.

⁶ Homans, G. Social Behaviour as Exchange, *American Journal of Sociology* (May 1958). Vol. 62; Homans, G. *Social Behaviour: Its Elementary Forms*. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1961; Blau P. *Exchange and Power in Social Life*. N.Y.: Wiley, 1964; Култыгин В.П. Концепция социального обмена в современной социологии // Социологические исследования, 1997. № 5; Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность, 2001. № 3.

⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 14. С. 229-240; Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 / Достоевский Ф.М. Избранное. М.: Современник, 1989. С. 47, 136-137; Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989.

- экстернальный локус контроля респондентов, т.е. восприятие себя как пассивного объекта действия других людей и внешних обстоятельств⁹;
- представление о том, что государство *обязано* гарантировать гражданам приемлемый уровень жизни, заботиться о них, т.е. феномен «Homo Sovieticus», сформированного в течение десятилетий государственного патернализма¹⁰;
- установки на традиционализм, недостижительские ценности¹¹;
- заниженный уровень притязаний и ориентация на выживание в условиях экономической депривации, или «культура бедности»¹².

Исследовательская гипотеза автора заключалась в том, что перечисленные выше характеристики являются атрибутами феномена социально-экономической зависимости, степень выраженности которых можно измерять. Кроме того, если эти индикаторы действительно меряют «одно и то же», между ними должна наблюдаться высокая степень корреляции, а в идеале они должны будут образовывать единый латентный фактор. Проверке этой гипотезы и посвящена данная статья.

Переменные, фиксирующие «зависимые» стратегии

Первым шагом анализа данных было создание индексов, отражающих интересующие нас аспекты совладания с трудностями. Исходя из выдвинутой гипотезы, на этом этапе мы создали 10 новых количественных переменных. Основным принципом их построения было объединение в каждую новую переменную исходных переменных, которые гипотетически «отвечали» за степень зависимости используемых респондентами стратегий. Соответственно, часть этих новых переменных отражала обладание респондентами ресурсов разного типа, часть – установки и ценности людей.

⁸ *Магун В.С.* Потребности и психология социальной деятельности личности. Л.: Наука, 1983; *Магун В.С.* О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощью // Психологический журнал, 1991. Том 12. № 6.

⁹ *Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М.* Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал, 1984. Т. 5, № 3. С.152-153; *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л.: Наука, 1984. С. 45, 59-60, 88.

¹⁰ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996; *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования, 2001. № 2; Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. Левады. М., 1993; *Левада Ю.А.* Десять лет перемен в сознании человека // Общественные науки и современность, 1999. № 5; *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993–2000. М.: ВЦИОМ, 2001.

¹¹ *Магун В.С.* Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе / Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997; Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: УРСС, 1996; *Лапин Н.И.* Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России, 2000. № 3.

¹² Lewis, O. The Culture of Poverty, in: Ferman, L. et al. (eds.), *Poverty in America*. University of Michigan Press, 1965; Lewis, O. *La Vida*. N.Y.: Random House, 1968; *Ярошенко С.С.* Синдром бедности // Социологический журнал, 1994. № 2; *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.

Для того, чтобы удостовериться, что выбранные нами переменные измеряют «одно и то же», была использована процедура анализа надежности (шкала Лайкерта). В случае достижения достаточно хороших результатов этого анализа мы считали возможным объединять выбранные нами переменные в одну путем создания индексов. В результате мы получили 10 новых переменных-индексов, чье содержательное наполнение выглядит следующим образом.

Первые четыре индекса характеризуют *установки* людей на самостоятельные либо зависимые стратегии. Их выяснение важно, поскольку установка является руководством к действию и включает в себя представления людей о себе самих, готовность действовать определенным образом и ценностное обоснование своих действий.

Индекс 1. Самоэффективность. Он образован следующими четырнадцатью исходными переменными (Alpha-коэффициент по шкале Лайкерта равен 0,81).

1. «Если я как следует постараюсь, то всегда найду решение даже сложных проблем».
2. «Если мне что-либо мешает, то я все же нахожу пути достижения своей цели».
3. «Если я приложу достаточно усилий, то смогу справиться с большинством проблем».
4. «При непредвиденно возникающих трудностях я верю, что смогу с ними справиться».
5. «Я могу что-либо придумать даже в безвыходных, на первый взгляд, ситуациях».
6. «Я готов к любым трудностям, поскольку полагаюсь на собственные способности».
7. «Если передо мной встает какая-либо проблема, то я обычно нахожу несколько вариантов ее решения».
8. «Я обычно способен держать ситуацию под контролем».
9. «В неожиданных ситуациях я всегда знаю, как я должен себя вести».
10. «Мне довольно просто удается достичь своих целей».
11. Жизненная ценность: «самостоятельность, независимость».
12. Жизненная ценность: «уверенность в себе, в своих силах».
13. Жизненная ценность: «активная, деятельная жизнь».
14. Изменение уверенности в своих возможностях в результате трудной жизненной ситуации.

Достаточно высокое значение Alpha-коэффициента показывает, что респонденты обычно являются последовательными, либо субъективно оценивая себя как «эффективных» людей, которым подвластны происходящие с ними события, либо, напротив, они тотально отрицают свою способность самостоятельно справиться с возникающими проблемами. Показательно, что с блоком вопросов по самоэффективности (который практически целиком вошел в новую переменную) тесно связаны ответы респондентов об их приверженности ценностям независимости, уверенности в себе и активной жизни. Кроме того, мы видим, что для людей, оценивающих себя как «авторов по отношению к своей жизни»¹³, трудная жизненная ситуация будет, скорее всего, «испытанием на прочность», в результате которой их уверенность в собственных силах повышается.

Поскольку анализ надежности выявил высокую степень зависимости переменных, принадлежащих к однотипной – интервальной – шкале, новая переменная «Самоэффективность» была создана в результате факторизации методом главных компонент с включением 14 вышеупомянутых переменных, и значение первой главной компоненты было выбрано в качестве индекса.

¹³ Осницкий А.К., Чуйкова Т.С. Саморегуляция активности субъекта в ситуации потери работы // Вопросы психологии, 1999. № 1. С. 96.

Индекс 2. Недостижимые трудовые ценности. В него вошли 11 исходных переменных (Alpha-коэффициент по шкале Лайкерта равен 0,49).

1. Хорошие условия труда.
2. Приятная атмосфера в коллективе.
3. Удобный режим работы.
4. Полезность для общества.
5. Интересная работа.
6. Близость от дома.
7. Стабильная оплата.
8. Возможность пользоваться льготами.
9. Соответствие специальности.
10. Жизненная ценность: «личная защищенность».
11. Жизненная ценность: «стабильность жизни».

Существует большой пласт литературы, например, работы В.С. Магуна, посвященные изучению ценностей с точки зрения того, насколько они ориентируют респондентов на достижения. В частности, в этих работах показывается, что в сравнительных исследованиях российские респонденты приписывают более высокие ранги именно недостижимым трудовым ценностям, связанным с возможностью *не работать*. Хотя, как отмечается, в последние 5–7 лет в данной сфере произошли существенные сдвиги, являющиеся несколько парадоксальными в том плане, что повысилась значимость взаимоисключающих ценностей («гарантии против возможностей»), – наряду со стремлением максимизировать вознаграждения за работу выросло и требование стабильности работы и доходов¹⁴.

Как видим, в одном ряду с недостижимыми ценностями «советского простого человека» находятся также и ценности стабильности и защищенности – верные признаки патерналистских ориентаций.

Для образования этой новой переменной мы также использовали процедуру факторизации методом главных компонент.

Индекс 3. «Активные» выводы из трудной жизненной ситуации. Сюда вошли исходные переменные, отражающие выводы респондентов о необходимости активизации своей деятельности, к которым они приходят в процессе осмысления причин своих трудностей, успехов и неудач в их преодолении. Коэффициент связи этих переменных по шкале Лайкерта составляет 0,62.

1. Активнее искать работу.
2. Поменять место работы.
3. Обучаться новым специальностям, приобретать новые профессиональные навыки.
4. Открыть собственное дело.
5. Пытаться зарабатывать любыми способами.
6. Более уверенно себя вести, учиться подавать себя.
7. Надеяться, прежде всего, на себя.
8. Использовать любые шансы, предоставляемые жизнью.
9. Быть более настойчивым в реализации своих целей.
10. Стараться просчитывать возможные последствия своих решений.

¹⁴ См., например: Магун В.С. Об изменениях трудовых ценностей российского населения / Куда идет Россия? Власть, общество, личность. Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Интерцентр, 2000.

Исходные переменные принадлежат к дихотомической шкале, поэтому для их объединения использовалась процедура создания индекса – его значение являлось суммой положительных ответов на вышеперечисленные вопросы.

Индекс 4. «Пассивные» выводы из трудной жизненной ситуации. В противоположность предыдущей, эта переменная создана из отмеченных респондентами выводов о необходимости искать поддержку извне, приспособливаться, невозможности что-либо изменить и т.п., к которым они пришли в трудной жизненной ситуации. Alpha-коэффициент по шкале Лайкерта равен 0,63.

1. Откладывать деньги на «черный день».
2. Экономить, более рационально вести бюджет.
3. Уделять больше времени и сил своей семье.
4. Активнее налаживать нужные связи с людьми.
5. Больше заботиться о своем здоровье.
6. Активнее участвовать в общественной, политической жизни.
7. Лучше знать российские законы.
8. Настойчивее требовать то, что тебе положено по закону.
9. Не быть столь требовательным к работе, условиям жизни, окружающим.
10. Терпеть испытания и лишения.
11. Стараться не обращать внимания на трудности.
12. Приспосабливаться к обстоятельствам людям.

Следующая группа индексов отражает наличие у индивидов *ресурсов* разного типа, которые, как предполагается, во-первых, отражают степень независимости индивида, и, во-вторых, влияют на выбор им определенных стратегий поведения в ситуации жизненных трудностей. Помимо приведенной выше аргументации анализа ресурсов как фактора зависимости/независимости, отметим, что ресурсный анализ сам по себе сегодня является продуктивным для понимания процессов в современном российском обществе на макро- и микроуровне¹⁵.

Показательно, что, по сути, эти индексы характеризуют не наличие, а отсутствие ресурсов, так как вопросы анкеты для респондентов в трудной жизненной ситуации были сфокусированы, прежде всего, на выявлении проблем людей.

Индекс 5. Стрессированность. Для создания этого индекса была также использована факторизация. Она образована следующими исходными количественными переменными (Alpha-коэффициент по шкале Лайкерта равен 0,58).

1. «Я часто ощущаю нервное напряжение».
2. «Моя повседневная деятельность вызывает большое напряжение».
3. «К концу дня я совершенно истощен физически и психически».
4. «Общаясь с людьми, я часто ощущаю нервное напряжение».
5. «Пожалуй, я человек нервный».
6. «В моей семье часто возникают напряженные отношения».
7. Жизненная ценность: «стабильность жизни».
8. Жизненная ценность: «материальная обеспеченность».
9. Жизненная ценность: «личная защищенность».

¹⁵ Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе / Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса.

10. Изменение уверенности в своих возможностях в результате трудной жизненной ситуации (*отрицательная корреляция*).
11. Изменение уверенности в завтрашнем дне в результате трудной жизненной ситуации (*отрицательная корреляция*).
12. Изменение оценки своей полезности для общества в результате трудной жизненной ситуации (*отрицательная корреляция*).

На наш взгляд, этот индекс иллюстрирует то, насколько индивид является психологически «слабым» или «сильным». Средняя степень корреляции этих переменных показывает, что ценностям стабильности и защищенности, скорее всего, будут привержены слабые люди с высокой степенью стрессированности, оценивающие свое психологическое самочувствие, скорее, как неблагоприятное. Высокое значение данной переменной также будет свидетельствовать о том, что в ситуации жизненной трудности психологически слабые люди чаще «ломаются», что выражается в общем снижении самооценки и веры в свои силы.

Индекс 6. Здоровье и психологическая устойчивость. Образован десятью исходными переменными (Alpha-коэффициент по шкале Лайкерта равен 0,47).

1. Наличие крепкого здоровья.
2. Изменение состояния здоровья в период трудной жизненной ситуации.
3. Проблема – ухудшение здоровья (Вашего или Ваших близких).
4. Проблема: неуверенность в завтрашнем дне.
5. Проблема: зависимость от внешних обстоятельств.
6. Проблема: неумение ориентироваться в ситуации.
7. Проблема: чувство бесполезности для людей и общества.
8. «Я очень беспокоюсь о своей работе».
9. Причина неудач в поиске работы: неподходящий возраст.
10. Причина неудач в поиске работы: плохое здоровье.

Индекс здоровья и психологической устойчивости высчитывался из суммирования перекодированных значений переменных, где показателям, характеризующим наличие таких ресурсов, приписывалось положительное значение, а показателям, отражающим проблемы, связанные с отсутствием таких ресурсов, – отрицательное. Как видим, людям, отмечающим, что у них есть проблемы со здоровьем, свойственна повышенная тревожность и неуверенность в собственных силах.

Индекс 7. Социальные ресурсы. Хорошо известно, что в условиях современного российского рынка большую роль играют персонифицированные отношения, связи личного типа. В то же время семейные обстоятельства и неблагоприятная структура домохозяйства (например, большая иждивенческая нагрузка, наличие больных) усугубляют ситуацию жизненных трудностей. Новая шкала «Социальные ресурсы» образована 12 исходными переменными (Alpha-коэффициент по шкале Лайкерта равен 0,42).

1. Наличие близких друзей в настоящее время.
2. Наличие родных, живущих поблизости.
3. Изменение моральной помощи близких в ситуации жизненной трудности.
4. Проблема: отсутствие родных и близких рядом.
5. Проблема: нехватка общения с друзьями и коллегами.
6. Проблема: напряженные отношения в семье.
7. Проблема: плохое отношение окружающих к Вам, Вашей семье.

8. Причина трудностей: семейные обстоятельства (болезни, смерти, рождения детей).
9. Получение вещей от друзей в качестве безвозмездной помощи.
10. Использовали способ поиска работы: обращение к друзьям, знакомым.
11. Причина неудач в поиске работы: «нет связей, блата».
12. Причина неудач в поиске работы: «необходимость ухаживать за детьми, родственниками».

Индекс социальных ресурсов высчитывался из суммирования перекодированных значений переменных, где показателям, характеризующим наличие таких ресурсов, приписывалось положительное значение, а показателям, отражающим проблемы, связанные с отсутствием таких ресурсов, – отрицательное.

Индекс 8. Имущественные ресурсы. Наличие такого ресурса, вероятно, само по себе не оказывает влияния на выбор той или иной стратегии, однако имущественная обеспеченность обычно тесно связана с материальным благополучием респондентов. Переменная образована 10 исходными переменными, отражающими обеспеченность следующими товарами длительного пользования (Alpha-коэффициент по шкале Лайкерта составляет 0,67).

1. Цветной телевизор.
2. Холодильник.
3. Стиральная машина.
4. Видеомагнитофон.
5. Микроволновая печь.
6. Персональный компьютер.
7. Мебельный гарнитур.
8. Автомобиль.
9. Гараж.
10. Дача, летний дом.

Индекс имущественных ресурсов был получен суммированием положительных ответов на вопрос о наличии тех или иных предметов длительного пользования в домохозяйствах респондентов.

Индекс 9. Активность в поиске работы. Это единственная новая переменная, характеризующая собственно *независимые действия* респондентов. Она образована 10 исходными переменными (Alpha-коэффициент по шкале Лайкерта равен 0,79).

1. Изменение числа рабочих мест.
2. Наличие приработков.
3. Изменение уровня оплачиваемой занятости.
4. Изменение профессиональной квалификации.
5. Регулярность приработков.
6. Способ поиска работы: по объявлениям о вакансиях.
7. Способ поиска работы: давали объявления сами.
8. Способ поиска работы: обращались в частные агентства по подбору кадров.
9. Способ поиска работы: обращались в районный центр занятости.
10. Способ поиска работы: обращались к друзьям, знакомым.

Индекс также высчитывался путем суммирования перекодированных значений переменных.

Индекс 10. Получение помощи от разных субъектов. Он образован путем суммирования случаев получения разных видов помощи (денежной, натуральной, услугами, моральной поддержки) от разных субъектов – родственников, друзей, знакомых, работодателей, государства, общественных организаций. Предполагалось, что высокие значения этого индекса должны будут свидетельствовать об «иждивенческой» стратегии респондента.

Взаимосвязь индексов

После выделения 10 новых переменных-индексов была поставлена задача выяснения их взаимозависимости и проверки возможности дальнейшего перехода в пространство еще меньшего количества факторов. 10 индексов, которые мы создали и которые, по нашему предположению, должны были отражать установки и ресурсы респондентов, являются количественными переменными. Следовательно, к ним могла быть применена единая процедура многомерного анализа. На следующем этапе мы добавили к ним переменные среднедушевого дохода в домохозяйствах, оценку по 9-балльной шкале своего социального статуса, а также переменную субъективной оценки своего материального положения, которые сами по себе оказывали значительное воздействие на многие переменные анкеты и не нуждались в предварительной индексации.

В результате применения процедуры факторизации методом главных компонент и поиска оптимального представления данных мы выделили пять факторов. Объясненная дисперсия равна 61%. Факторные нагрузки после вращения методом Varimax выглядят следующим образом.

Таблица 1. Факторы и факторные нагрузки.

Индексы	Факторы и факторные нагрузки				
	1. Материальное положение	2. Установки на независимость	3. Здоровье	4. Социальные ресурсы	5. Недостижимые ценности
Имущественные ресурсы	0,736				
Материальное положение семьи	0,713				
Социальный слой	0,585		0,404		
Душевой доход	0,541				
Активные выводы из ТЖС		0,816			
Самозффективность		0,595			
Пассивные выводы из ТЖС		0,576			0,575
Активность в поиске работы		0,564			-0,428
Здоровье			0,818		
Стрессированность			-0,792		
Получение помощи от разных субъектов				0,810	
Социальные ресурсы	0,394			0,676	
Недостижимые трудовые ценности					0,652

Как видно из таблицы, мы перешли в пространство пяти факторов, тем самым значительно облегчив себе дальнейшую интерпретацию материала. Выяснение взаимосвязи новых переменных позволяет нам сделать следующие выводы.

Фактор 1. Материальное положение. Сюда вошли «объективные» показатели материального положения, имущественного достатка и душевого дохода респондентов, изменение которых в одном направлении было предсказуемым. С повышением дохода, имущественной обеспеченности и субъективной оценки материального положения повышается и социальный слой, к которому относят себя респонденты. Интересен тот факт, что из показателей обладания ресурсами только социальные ресурсы демонстрируют степень корреляции с данным фактором, превышающую 0,3. Т.е. наиболее благополучные в экономическом плане респонденты, скорее всего, будут иметь и развитую «сеть безопасности». Любопытно, что в этот фактор не вошли переменные, характеризующие установки респондентов на самостоятельность либо зависимость.

Фактор 2. Установки на независимость. Факторообразующей (имеющей наибольшую степень корреляции с данным фактором) здесь является переменная «Активные выводы из трудной жизненной ситуации», в одном направлении с которой изменяются переменные «Самозффективность», «Активность в поиске работы» и... «Пассивные выводы из трудной жизненной ситуации». Последнее весьма трудно поддается объяснению – наиболее вероятным кажется предположение, что само разбиение выводов, которые делают респонденты, на «активные» и «пассивные» является некорректным, поскольку мало дифференцирует респондентов в плане трудовой активности и самозффективности. Вероятно, в действительности в одном направлении с реально осуществляемыми шагами в поиске работы находится само количество выводов, которые респонденты делают, т.е. степень когнитивной проработанности своих действий.

Фактор 3. Здоровье. Из таблицы очевидна большая вероятность того, что респонденты, обладающие ресурсом «Здоровье» (а точнее, не отмечающие у себя проблем со здоровьем), будут демонстрировать самый низкий уровень стрессированности. Из других показателей, вошедших в данный фактор, выделилась переменная социального слоя: респонденты, не имеющие проблем со здоровьем, склонны ставить себя на более высокие ступени социальной лестницы.

Фактор 4. Социальные ресурсы. Высокая степень корреляции с этим фактором индексов-переменных «Социальные ресурсы» и «Получение помощи от разных субъектов» означает, что наличие у респондентов близких, родных, друзей, хорошие отношения с ними, прежде всего, будут определять количество источников помощи и поддержки, к которым может прибегнуть респондент в трудной жизненной ситуации.

Фактор 5. Недостижимельские ценности. Это наиболее размытый фактор, где нет переменных, демонстрирующих высокую степень корреляции с ним. Он лишь указывает на среднюю степень вероятности того, что люди, исповедующие трудовые ценности «простого советского человека», будут отличаться большей выраженностью «пассивных» выводов из трудной жизненной ситуации (терпеть, приспосабливаться, искать компенсации своим потерям) и что они будут демонстрировать меньшую активность в поиске работы.

Типы респондентов и их стратегий

Приведенные выше результаты выяснения взаимозависимости переменных позволяют нам понять внутреннюю структуру изучаемого явления социально-экономической зависимости. Фактически они продемонстрировали нам, что разные виды ресурсов, определяющих степень зависимости/самостоятельности респондентов, «укладываются» в

пять факторов: материальные, психологические, социальные ресурсы, ресурс здоровья и ресурс ориентации на достижения (с отрицательным значением). Теперь нам предстоит ответить на вопрос: каким образом наши респонденты – люди в трудной жизненной ситуации – размещены в пространстве этих пяти факторов?

Поэтому следующим этапом нашего анализа стало выявление групп респондентов на основе значений этих факторов. Был проведен кластерный анализ методом *k*-средних, и путем подбора с целью оптимального представления данных были выделены пять кластеров – внутренне однородных групп респондентов.

Табл. 2. Объем и координаты кластерных центров в факторном пространстве.

Кластер	Объем (чел.)	Значения факторов				
		1. Материальное положение	2. Установки на независимость	3. Здоровье	4. Социальные ресурсы	5. Недостижимые ценности
1. «Исключенные»	109	-1,23582	-0,03580	-0,40863	-0,93408	-0,24309
2. «Традиционалисты»	180	0,18736	0,18391	-0,33412	0,02444	1,09052
3. Получатели соц. поддержки	121	-0,46782	-0,14542	-0,32662	1,29926	-0,53463
4. «Плывущие по течению»	177	0,21883	-0,60527	0,90285	-0,08198	-0,07467
5. «Независимые»	122	0,97421	0,78301	-0,12789	-0,37118	-0,75319

Кластер 1. «Исключенные». У этой группы респондентов самые низкие значения факторов «Материальное положение», «Здоровье» и «Социальные ресурсы». Первый вывод, который напрашивается в данной ситуации, – это то, что плохое здоровье и отсутствие «связей» непосредственно связаны с низким социальным статусом, низким доходом и плохой имущественной обеспеченностью. Причем влияние этих «объективных» факторов на бедность гораздо сильнее социально-психологических факторов независимости и ориентированности на достижения – по этим показателям данная группа занимает срединное положение.

Кто же эти «исключенные»? 71% респондентов в данной группе – вынужденные мигранты. Их средний душевой доход действительно вдвое меньше среднего по выборке (900 руб. при среднем 1800 руб.¹⁶). Специфика ситуации вынужденных мигрантов, составивших костяк кластера, заключается в крайне низкой имущественной обеспеченности (из списка товаров длительного пользования, включающего 10 наименований, они владеют в среднем менее чем полутора предметами – обычно это цветной телевизор, холодильник или стиральная машина). Обеспеченность недвижимостью в этой группе практически нулевая. У 80% нет личного подсобного хозяйства, а значит, и возможности альтернативных зарплатным источников жизнеобеспечения. 74% отметили отсутствие нормального жилья. 77% оценили свое

¹⁶ Низкие значения доходов не должны удивлять читателя: напомним, что опрос проводился летом 1999 г.

материальное положение как «Еле сводим концы с концами, часто не хватает денег на необходимые продукты питания».

Такое тяжелое материальное положение обусловлено как значительными расходами, понесенными мигрантами при переезде, так и их невключенностью в рынок труда. Проблема отсутствия (подходящей) работы отражается в частых попытках найти работу, беспокойности по поводу невозможности использовать свое образование и квалификацию, готовности взяться за любую работу. Признаком неблагополучия их домохозяйств – это также структура доходов, в которой самый низкий по выборке удельный вес заработной платы (в среднем 45%) и самый большой – социальных выплат пенсий, пособий и стипендий (25%). Эта группа является «рекордсменом» по самой большой средней сумме долга, который они имеют.

Данная группа представляет собой и пример «потери первичной интеграции» – выпадения из социальных сетей. У них самая сложная ситуация в плане получения помощи от кого бы то ни было – в среднем отмечено менее 2 видов получения помощи из возможных 28, причем это, как правило, не материальная помощь, а советы, информация, моральная поддержка от родных или друзей. 66% отметили, что совсем не получают материальной помощи от близких, 38% не получают также и моральной поддержки. В этой группе больше всего респондентов отметили проблему отсутствия родных и близких рядом, нехватку общения, плохое отношение со стороны окружающих к ним и их семьям. Причем в этом кластере семья является не столько фактором помощи, сколько источником трудностей. Так, у трети респондентов причиной их проблем являются «семейные обстоятельства» (болезни, смерти, рождения детей).

Именно положение вне рынка труда и занятости и разрыв социальной сети отмечаются, в частности, французскими социологами как два важнейших фактора «риска исключения», которые сочетаются и взаимоусиливаются. Например, Р. Кастел объясняет феномен нисходящей мобильности все возрастающей доли населения потерей социальной интеграции по двум осям – работы и семейных отношений. С. Погам оперирует понятием «социальной дисквалификации», В. де Голейяк и И. Леонетти – «социальной сепарации»¹⁷. Концепция социального исключения, напомним, рассматривает бедность не как «состояние», а как накопление неблагоприятных жизненных обстоятельств, для которого характерна «множественность» проблем, накапливающихся подобно снежному кому (занятость, жилье, здоровье, социальная изоляция).

Чувство исключенности проявляется и в самом плохом по выборке социально-психологическом самочувствии этой группы. Известно, что феномен «ухода в себя» безработных был отмечен еще в исследованиях П. Лазарфельда в 1930-е гг. в Австрии. Спустя 60 лет исследователи получают те же результаты. Нестабильность занятости повышает вероятность если не полной социальной изоляции, то спада социального участия. Позитивные корреляции отмечаются также с ухудшением состояния здоровья¹⁸. В нашем случае для трех четвертей из них характерно острое переживание своей ситуации, частое нервное напряжение, половина отмечают, что физически и психологически истощены к концу дня, 42% отметили напряженные отношения в своей семье. 73% отмечают уменьшение веры в себя, собственные возможности в результате трудной жизненной ситуации, 67% – увеличение чувства зависимости от внешних обстоятельств.

¹⁷ Claude, M. French Review Article: The Debate in France over «Social Exclusion», *Social Policy & Administration* (December 1996). Vol. 30. No. 4. P. 382, 386, 388.

¹⁸ Paugam, S. Poverty and Social Disqualification: a Comparative Analysis of Cumulative Social Disadvantage in Europe, *Journal of European Social Policy* (1996). Vol. 6. No. 4. P. 288-296.

Как мы отмечали выше, с высоким значением стрессированности связано плохое состояние здоровья. Действительно, отсутствие у себя в настоящий момент здоровья отметили 68% респондентов. У 62% оно ухудшилось в результате переезда, потери работы или доходов.

Картину обделенности ресурсами данной группы дополняет самый низкий образовательный уровень. 35% в данной группе имеют начальное и среднее общее образование.

40% респондентов в данной группе отмечают увеличение объема своего свободного времени в период возникновения жизненной трудности. Памятуя, что почти три четверти этой группы составляют вынужденные мигранты, мы можем сказать, что в данной ситуации свободное время – не ресурс, а, скорее, признак неблагополучия¹⁹.

Способы выхода из сложившейся ситуации в этом кластере сложно назвать «стратегиями», скорее, они представляют собой «хаотичный поиск»²⁰. Половина респондентов «не знают, что предпринять» для решения своих проблем. Их действия – это регулярные поиски работы (треть согласна на «любую»), также в этом кластере самая большая доля тех, кто пытается получить помощь в государственных органах и общественных организациях. Состояние депрессии, напряжения и подавленности, характерное для данной группы, в свою очередь, отрицательно влияет на возможность выгодно «подать себя», творчески подойти к решению проблем и обрекает респондентов, по сути, на пассивные формы совладания с материальными трудностями: отстраненное принятие ситуации; ожидание какого-то события или чуда; бесплодное мечтание; смирение и бездействие; стойкое перенесение трудностей; жесткая экономия, отказ от потребления и самообслуживание членов семьи; избегание общения либо обвинение и поиск виновных. К. Муздыбаев высказывает мысль, что неэффективные формы поведения «запрограммированы» в самой бедности²¹.

Как видим, эта трудная жизненная ситуация оказалась для данной группы респондентов, прежде всего, цепью невозможных потерь. Объективно сложная ситуация, отсутствие источников получения помощи и чувство беспомощности от повторяющихся неудач способствуют интенсивной нисходящей мобильности и консервации трудностей. Между тем, исследователи отмечают тесную связь между длительным ухудшением условий жизни и существенным снижением у людей уровня социальных потребностей, притязаний и активности. Т.е. действует так называемый механизм снижения потребностей – механизм регресса, приводящий к люмпенизации части населения²².

¹⁹ По этому поводу приведем размышления Э.М. Ремарка: «Какие, собственно, у эмигранта проблемы? Голод, жилье и время, которое некуда девать – ведь работать ему запрещено. Голод и забота о крыше над головой – вот два смертельных врага. С ними он должен бороться. Но время... Огромное, пустое, бесполезно уходящее время; этот притаившийся враг разъедает и подтачивает энергию, нескончаемое ожидание рождает усталость, а смутный страх парализует силы. Оба первых врага атакуют эмигранта в лоб, и ему приходится либо обороняться от них, либо погибнуть, время же атакует и разлагает его» / *Ремарк Э.М. Возлюби ближнего своего*. М.: Вагриус, 1999. С. 354.

²⁰ *Демин А.Н., Попова И.П.* Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации // *Социологические исследования*, 2000. № 5. С. 40.

²¹ *Муздыбаев К.* Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // *Социологический журнал*, 2001. № 1.

²² *Бойков В.Э.* Россия: десять лет реформирования // *Социологические исследования*, 2001. № 7. С. 35.

Таким образом, в плане зависимости/самостоятельности эта группа тяготеет, скорее, к зависимым, поскольку наблюдается неспособность низкоресурсных респондентов своими силами обеспечить себя достаточными средствами к существованию, и то, что никакой поддержки они не получают, способствует углублению их депривации. *Однако не подтвердилась гипотеза о том, что самые обездоленные будут иметь и ярко выраженные установки на социально-экономическую зависимость на ценностном уровне.* Показатели самоэффективности и недостижимых ценностей в этой группе не имеют ярко выраженных отклонений в ту или иную сторону от средних по выборке.

Кластер 2. «Традиционалисты». Этот кластер образован респондентами, сильно приверженными ценностям утилитаризма и экономического детерминизма, о чем свидетельствует высокое значение фактора «Недостижимые ценности». Структура их установок весьма напоминает усредненный портрет «простого советского человека», нарисованного коллективом авторов под руководством Ю. Левады. По сути, они представляют собой воспроизводящийся тип работников командно-административной экономики, в которой поощрялась, прежде всего, ориентация на стабильное рабочее место путем предоставления широкого спектра льгот и гарантий, не связанных с экономической эффективностью труда.

Действительно, в данном кластере наивысшие оценки значимости таких ценностей, как «Стабильность жизни» (85% – «очень важно»), «Материальная обеспеченность» (82%) и «Личная защищенность» (72%). В плане трудовых ценностей у них наибольшая по выборке значимость стабильной оплаты (76%), стабильной занятости (60%), атмосферы в коллективе (58%), режима работы (56%), условий труда (49%), близости от дома (47%), соответствия специальности (46%), возможности пользоваться льготами (15%).

Отметим, что в социально-демографическом плане этот кластер ничем не выделяется. Средний возраст и распределение по полу в нем такое же, как в среднем по выборке. Несколько больше, чем в среднем, в нем доля «Работающих бедных». Т.е. подобные установки нельзя объяснить тем, что эти люди принадлежат, допустим, к более старшему поколению или что его составили женщины.

Как видим, в этом кластере, как и в предыдущем, низкое значение фактора «Здоровье», а значит, для этой группы респондентов также характерны состояние повышенной тревожности, зависимости, неуверенности в своих силах, чувство бесполезности, негативные переживания по поводу сложившейся ситуации. Респонденты невысоко оценивают свои профессиональные навыки, отмечают, что не имеют «нужных связей». Это соответствует данным других исследователей, утверждающих, что тяготение к «нормальности», понимаемой как следование традициям, раз и навсегда заведенным нормам, и низкая значимость ценности свободы, независимости, самостоятельности характерны именно для «неадаптированных» групп²³.

Какие же ресурсы компенсируют низкие показатели здоровья и психологической устойчивости? Анализ показал, что в данной группе это, прежде всего, личное подсобное хозяйство и домашний труд. При том, что представители данной группы отмечают уменьшение своей оплачиваемой занятости, у них вырос объем домашнего труда. То есть эта группа пользуется «подпорками бесплатности» – архаическими стратегиями выживания в условиях отсутствия или нехватки «живых» денег, которые, как известно, сегодня являются весьма распространенными в российском обществе. Известно также, что к стратегии «бегства от рынка» прибегают, прежде всего, низкоресурсные группы, и назвать «конструктивными» эти стратегии весьма сложно, поскольку идет

²³ Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности // Социологические исследования, 2001. № 7. С. 56.

приспособление не к рыночным преобразованиям, а к кризисным условиям существования²⁴.

В этом же ключе отметим выводы, которые эти респонденты сделали из трудной жизненной ситуации. Больше, чем у всех остальных, наблюдаются значения показателей «больше заботиться о своем здоровье» (73%), «приспосабливаться к обстоятельствам и людям» (73%), «экономить, более рационально вести бюджет» (65%), «стараться не обращать внимание на трудности» (64%), «уделять больше времени и сил своей семье» (44%). Как видим, претворение в жизнь подобных выводов ни в коей мере не позволит повысить доходы людей, а способно лишь компенсировать недостаточный доход и смягчить психологические последствия бедности.

Таким образом, данный кластер демонстрирует социально-экономическую зависимость на уровне установок – как поиск внешнего источника поддержки, на которого можно переложить ответственность за свое жизнеобеспечение.

Кластер 3. Получатели социальной поддержки. Кластер отличается высокими значениями факторов «Социальные ресурсы» и низкими – «Материального положения» и «Здоровья». У них самый высокий показатель получения помощи из разных источников: в среднем каждый респондент в группе получает 5 различных видов помощи. Это, прежде всего, советы, информация, моральная поддержка со стороны родных – 79%, советы, информация, моральная поддержка со стороны друзей – 79%, денежная помощь от родных – 62%, вещи/продукты от родных – 61%. Упоминается также поддержка, которую они получают от государственных органов, общественных организаций.

Обращает на себя внимание, что это «женский» кластер (женщин в нем три четверти). Именно женщины, как известно, более «искусны» в налаживании и поддержании отношений, и в нашем случае именно они оказываются «богатыми» родственниками, друзьями и знакомыми, способными оказать поддержку в трудной жизненной ситуации.

«Социальный» ресурс в данном случае компенсирует недостаточность ресурсов личностных – здоровья, самооффективности, психологической устойчивости и способности зарабатывать. Их материальное положение – одно из самых плохих (хуже только у кластера 1), для них также характерно снижение уверенности в себе, тревожность. Однако падение их собственных доходов, в отличие от предыдущих кластеров, вызвало значительное увеличение моральной и материальной помощи со стороны их близких. Их поведение в трудной ситуации также направлено на использование своих средовых ресурсов – например, у них преобладает стратегия поиска работы «через родственников и знакомых», чаще остальных они советуются с друзьями и членами семьи, обсуждают с ними свои проблемы и строят планы. Таким образом, являясь «бедными», они не оказались «исключенными», и основой их интеграции является, прежде всего, семья.

Подобные ситуации описаны в зарубежной литературе: в странах, где основой социальной интеграции является семья (таких, как Италия, Испания), потеря работы не ведет к ослаблению семейных связей, и поэтому не происходит «социальной дисквалификации» бедных и безработных. А вот больше всего подвержены риску исключения безработные во Франции, Великобритании, Германии, где семейные и дружеские связи не столь прочны и где безработные лишаются неформальной поддержки со стороны своего

²⁴ См.: Тихонова Н.Е. Шкаратан О.И. Российская социальная политика: выбор без альтернатив? // Социологические исследования, 2001. № 3. С. 28; Ронге Ф. Условия жизни в России // Социологические исследования, 2000. № 3. С. 66-67.

ближайшего окружения²⁵. В данном случае Россия также относится к социумам с большой значимостью персонифицированных отношений, где люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию, не только не приобретают стигму «неудачника», но могут рассчитывать на поддержку.

Как и в предыдущем кластере, у этой группы наблюдается значительное увеличение объема домашнего труда. Помимо упомянутой выше стратегии натурализации жизнеобеспечения, можно предположить, что имеет место также необходимость адекватно отвечать на получаемую со стороны родственников поддержку, помогая в хозяйстве, ухаживая за детьми и т.д. Это согласуется с данными зарубежных исследований, поскольку «сеть безопасности» – это еще и «сеть обязательств»²⁶.

Таким образом, социально-экономическая зависимость представителей данной группы выражена в систематическом получении поддержки извне, делегировании ответственности за свою судьбу ближним – то, что у других авторов получило название «продуктивного иждивенчества»²⁷.

Кластер 4. «Плывущие по течению». Судя по значениям факторов, это кластер, образованный самыми здоровыми (64% отметили у себя наличие крепкого здоровья) и «психологически устойчивыми» респондентами, но при этом с самыми низкими установками на независимость. Его представители вообще реже других отмечают у себя наличие каких бы то ни было проблем. Собственное самочувствие, отношения в семье, собственное здоровье – по всем пунктам у них показатели обеспокоенности ниже, чем у представителей других кластеров. Четверть их отмечают, что вообще не имеют никаких психологических проблем. Их материальное положение – достаточно хорошее (40% отметили, что денег им хватает на текущие расходы, что было высшей границей при отборе респондентов для опроса).

Казалось бы, это весьма благополучный, «адаптировавшийся» кластер. Однако их собственная трудовая активность достаточно низка, меньше всех остальных они участвуют во вторичной занятости. И по всем остальным показателям – интенсивности поиска работы, поиску внешней поддержки, работе в домашнем хозяйстве – они значительно менее активны. Меньше других они также рефлектируют свои действия и ситуацию – обдумывают поступки, строят планы, делают выводы. Наименее критично настроены по отношению к себе – не ставят себя в центр своих жизненных планов, но и не занимаются самоедством. В целом можно сказать, что это стратегия «ничего неделания», отказ воспринимать вынужденный переезд, потерю работы или снижение дохода как «проблему», к решению которой надо прикладывать усилия. В терминологии Фолкмана и Лазаруса²⁸ это поведение можно обозначить как стратегию дистанцирования от проблем: они просто не замечают «трудную» ситуацию, она никак не нарушает их эмоциональный

²⁵ Paugam, S. Poverty and Social Disqualification: a Comparative Analysis of Cumulative Social Disadvantage in Europe. P. 291-292.

²⁶ Olicker, S.J. The Proximate Context of Workfare and Work: A Framework for Studying Poor Women's Economic Choices, *The Sociological Quarterly* (Spring 1995). Vol. 36, No. 2. P. 251-264; Edin, K. and L. Lein. Work, Welfare and Single Mothers' Economic Strategies, *American Sociological Review* (1997). Vol. 62, No. 2. P. 253-254.

²⁷ Демин А.Н., Попова И.П. Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации. С. 41.

²⁸ См.: Муздыбаев К. Стратегии совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Т. 1, № 2. С. 108.

баланс. Их жизненная позиция весьма близка к свободе-воле²⁹, не связанной с ответственностью и активностью, свободе «вольного странника», который, ничем не владея, не боится ничего потерять, и напоминает портреты, например, героев рассказов Дж. Стейнбека:

«Вот вам истинные философы <...> ... они гораздо успешнее, чем другие, выживают на этой земле. В то время, как люди убивают себя, потворствуя своим амбициям и алчности, надрывая нервы, они живут безо всякого напряжения. Все наши так называемые преуспевающие мужчины и женщины – больны, у них расстроены желудки и души. <Они же> здоровы и на удивление чисты. Они делают, что хотят...»³⁰.

Итак, данный кластер нельзя отнести ни к «зависимым», ни к «самостоятельным». Не получая поддержки извне и не претендуя на нее, респонденты этого типа не склонны принимать какую бы то ни было ответственность за себя, живя «как придется».

Кластер 5. «Независимые». Этот кластер имеет полюсные значения сразу трех факторов: максимальные – «Материального положения» и «Установок на независимость» и минимальное – «Недостижительских ценностей». Похоже, это единственный кластер, целиком укладывающийся в гипотезу о жесткой взаимосвязи «успешности», «самоэффективности» и независимости как ценности. Рассмотрим его подробнее.

Это по всем показателям наиболее высокоресурсный кластер. Его можно назвать «мужским» (мужчин в нем 68%, по выборке же их 38%). В нем самые высокие показатели душевого дохода в семье – 3800 руб. при среднем 1881 руб.; самая высокая имущественная обеспеченность: в среднем имеют более 4 предметов из 12, причем самая высокая обеспеченность наиболее дорогими товарами (каждый третий имеет автомобиль, 28% – дачу, каждый пятый – персональный компьютер). 63% оценивают свое материальное положение как «на ежедневные расходы хватает» (напомним, это был возможный максимум по условиям опроса). У них самый высокий уровень образования (53% имеют высшее). В структуре доходов их домохозяйств самая большая доля зарплаты (69%) и самая малая – социальных выплат (пенсий, пособий и стипендий) – 6%. Их семьи имеют самую маленькую сумму долга.

Их стратегии поведения, вызванные трудной жизненной ситуацией, можно назвать «монетаристскими», поскольку их активность направлена, прежде всего, на увеличение доходов путем оплачиваемой занятости. 74% имеют приработки, 6% – собственный бизнес, 44% отмечают увеличение своей занятости, 47% – увеличение числа рабочих мест, 32% – повышение своей квалификации, 40% – уменьшение свободного времени. Как и у кластера 1, здесь самые низкие показатели получения родственной поддержки, только по иной причине – отсутствия необходимости в этом. При том, что 42% имеют личное подсобное хозяйство, они никак не выделяются в плане интенсификации работы по дому,

²⁹ Об оппозиции Свободы-воли и Свободы-независимости см., например: Bellah, R.N. et al. *The Good Society*. N.Y.: Vintage Books, 1992; Miller W.L., Bellah, R.N. *Religion and the Public Good: A Bicentennial Forum*. N.Y., 1989; Serover, Ch.M. *Time, Freedom and Common Good: An Essay in Public Philosophy*. Albany: State University of New York Press, 1989; Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. С. 86-89; Овсянников А.А. Социология катастрофы: какую Россию мы носим в себе? // Мир России, 2000. № 1. С. 77; Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии, 2000. Т. 3. № 3 (11). С. 33; Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России, 2000. № 3. С. 32; Вольчик В.В. Либерализм и благосостояние. <http://www.libertarium.ru/libertarium/9199>.

³⁰ Стейнбек Дж. Консервный ряд / Стейнбек Дж. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 3. С. 572.

сделав выбор в пользу оплачиваемой занятости. Доля респондента в бюджете своих домохозяйств самая большая – в среднем 62%.

Высокое значение фактора «Материальное положение» показывает, что такая стратегия наиболее эффективна. 33% даже отмечают рост своих доходов в период «трудной жизненной ситуации». Помимо материальных, такая стратегия приносит и социально-психологические вознаграждения: 19% отмечают увеличение веры в себя, собственные возможности. Высокое значение индекса самоэффективности показывает, что эти люди отличаются интернальным локусом контроля, чувствуют себя способными повлиять на происходящие с ними события и полагаются на собственные способности. Их выводы из трудной жизненной ситуации прямо противоположны кластеру 2: опыт совладания научил их, что надо «пытаться зарабатывать любыми способами» (52%), «обучаться новым специальностям, приобретать новые профессиональные навыки» (41%), «открыть собственное дело» (22%). Их независимость проявляется и в структуре их ценностей, где наиболее высокие по выборке значимости ценностей «уверенности в себе» (74%), «самостоятельности, независимости» (65%), «реализации профессиональных способностей» (45%), «активной жизни» (42%).

Таким образом, респонденты этого кластера характеризуются независимостью как реальной стратегией экономического поведения и независимостью как жизненной позицией. *«Независимые» стратегии совладания с трудностями предполагают восприятие трудной жизненной ситуации как «вызова», который, наряду с угрозами, обещает и потенциальные возможности. Реализация «независимой» стратегии связана, прежде всего, с оплачиваемой занятостью.*

Итак, анализ стратегий респондентов в плоскости «Самостоятельность – Зависимость» позволил выделить следующие стратегии:

1. Зависимость как неспособность обеспечить себе своими собственными силами минимально приемлемый уровень жизни, которая характерна для наиболее низкоресурсных респондентов.
2. Зависимость как установка, предполагающая ценностное оправдание собственной пассивности, ей соответствуют недостижимые ценности, а в реальном экономическом поведении – компенсация недостаточного заработка натуральным самообеспечением.
3. Зависимость как «иждивенчество» – активное использование внешних источников поддержки, делегирование ответственности за решение своих проблем другим субъектам.
4. «Свобода как воля» – стратегия дистанцирования от проблем и движения по течению.
5. Независимость как стратегия мобилизации индивидуальных ресурсов и совладание с трудной жизненной ситуацией за счет интенсификации оплачиваемой занятости.

К другим выводам, которые позволил сделать анализ материала, относятся следующие.

1. Независимость свойственна, прежде всего, «сильным», высокоресурсным, индивидам, в то время как зависимые низкоресурсные группы обречены в лучшем случае на использование компенсаторных стратегий в виде натурального самообеспечения или привлечения помощи своего ближайшего окружения, либо на углубление депривации в случае отсутствия таких внешних «подпорок».
2. В анализе социологических данных у исследователя существует большой соблазн классифицировать респондентов на группы в зависимости от субъективных факторов (установок, ценностей, суждений). На основе таких

классификаций нередко делаются далеко идущие выводы о том, что те или иные выделенные группы являются «успешными», «адаптировавшимися», «рыночниками» либо наоборот. Однако, как показывает наш анализ, в реальности классификация гораздо сложнее, она многомерна, и выводы о «стратегиях», например, невозможно делать на основе одних лишь субъективно-ценностных факторов без выяснения реального экономического поведения и взаимодействия со своим социальным окружением.

3. Первоначальная гипотеза о том, что респонденты с наиболее выраженными установками на независимость будут самыми «успешными», а самые «зависимые» – наиболее обездоленными, оказалась упрощенной. Действительно, «успешная» группа вполне соответствует классическому образу независимого и самостоятельного индивида, чьи вербально выражаемые установки на независимость сопровождаются активными действиями в решении своих проблем. Однако о том, что здесь не существует прямой зависимости, свидетельствуют случаи кластера 2, чьи зависимые установки не сопровождаются резким ухудшением ситуации, и кластера 1, чье бедственное положение – это, прежде всего, результат отсутствия целого комплекса ресурсов, а ценностный блок, каковым являются зависимые установки, оказывается, скорее, следствием депривации.